

христианский гуманизм (человеколюбие), который, по мере секуляризации общественной жизни, превращается в светский гуманизм. По видимому, именно этот принцип имел в виду выдающийся русский юрист-международник Ф. Ф. Мартенс, когда писал, что основным законом всей истории МП является закон прогрессивного развития международных отношений, ближайшим и непосредственным выражением которого является «начало уважения человеческой личности», проходящие через всю историческую жизнь народов [1].

К числу принципов международной морали можно отнести такие принципы, как принцип взаимного уважения и доброжелательности между народами. Еще одним принципом международной морали является «этический императив общечеловеческой солидарности и необходимости всеобщего мира» [2].

По мнению И. И. Лукашука: «Важное место в международной морали занимают «простые нормы нравственности», элементарные правила всякого человеческого общения. К ним относятся: оказание помощи остро нуждающимся странам, уважение интересов друг друга, верность данному слову, уважение достоинства государств, гуманное отношение к людям, значительная часть правил международной вежливости. Основная историческая задача – обеспечить выживание человечества. В этом высший нравственный долг как человека, так и государства» [3].

Золотым правилом морали называют правило: «поступайте по отношению к другим так, как Вы хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к Вам». Известна также и отрицательная формулировка этого правила: «не делайте другим того, чего не хотите себе». Это правило известно в религиозных и философских учениях Востока и Запада, оно лежит в основе многих мировых религий: авраамических, дхармических, конфуцианстве и античной философии и является основополагающим мировым этическим принципом.

В научной литературе в области международных отношений остается дискуссионным вопрос относительно того, должны ли государства придерживаться норм морали в своих взаимоотношениях. Реалистическая школа теории международных отношений, к примеру, склонна к отрицанию роли морали в межгосударственных отношениях, поскольку государства не являются людьми. По мнению ее представителей, межгосударственные отношения регулируются не принципами морали, а принципом целесообразности.

Однако, по нашему мнению, поскольку межгосударственные отношения в реальности являются межчеловеческими отношениями, то на них распространяют свое действие основные принципы общечеловеческой морали. Именно общечеловеческая мораль стала

тем фундаментом, на основе которого возникла и сформировалась международная система защиты прав человека.

Вместе с тем, в практике международных отношений нормы МП и требования международной морали могут вступать в противоречия. Один из таких примеров противоречия между международной моралью и МП – проблема так называемой «гуманитарной интервенции», когда возникает необходимость защиты прав человека посредством вооруженной силы, даже когда такое применение силы противоречит требованиям принципа неприменения силы в международных отношениях.

Одним из важнейших вопросов теории и практики МП является вопрос о том, почему государства соблюдают или не соблюдают нормы МП. На этот вопрос в международно-правовой литературе давались различные ответы, однако наиболее убедительный ответ на этот вопрос, по нашему убеждению, может дать лишь психологическая теория права.

Давая ответ на этот вопрос, мы, прежде всего, должны исходить из того, что конкретные решения о соблюдении либо не соблюдении норм МП принимаются не абстрактным понятием государства, а живыми людьми, от которых может порой зависеть судьба целых народов. Психологически нормы МП обладают определенной мотивационной силой, которая воздействует на сознание человека.

В этой связи нельзя не остановиться на работе американского ученого Гузмана, который в русле реалистического направления американской международно-правовой мысли пытается объяснить, почему государства соблюдают нормы МП, с помощью анализа влияния на их поведение трех факторов: взаимности (*reciprocity*), репутации (*reputation*) и возмездия (*retaliation*) [4].

Однако здесь сразу хочется обратить внимание на неверную изначальную посылку этого автора. Речь идет о том, что он говорит о влиянии упомянутых трех факторов на поведение государств, как будто бы государства были живыми людьми, наделенными сознанием, а не являлись абстрактными понятиями, от имени которых выступают конкретные люди. Вместе с тем, в какой-то мере можно согласиться, что упомянутые Гузманом факторы влияют на сознание и поведение людей, выступающих от имени государства, однако мотивационная психологическая сила этих факторов не объясняет исчерпывающим образом психологические причины соблюдения индивидами норм МП.

Более точный ответ на вопрос относительно соблюдения МП следует искать в теории ученика Петражицкого Н. Н. Шульговского, который в своей работе «Право на жизнь» писал: «Человек может

мирно относиться ко всем окружающим или потому, что он просто любит их (нравственное чувство), или потому, что он признает за всеми права, которыми и сам обладает (правовое чувство), или же наконец, по мотивам собственного интереса, выгоды, страха и т. д. (эгоистическое чувство)» [5].

Можно сказать так, что соблюдение или несоблюдение МП в качестве права, стремящегося к установлению мирного порядка, так же зависит от этих трех чувств. Что касается Гузмана и других сторонников реалистического направления в МП, то они в своих объяснениях причин соблюдения МП ограничиваются лишь анализом влияния того, что можно назвать проявлениями эгоистического чувства, т. е., например, интересами государства, страхом перед возмездием, взаимностью и т. д.

На самом же деле, как показал Шульговский, среди причин мирных отношений в обществе, а значит и соблюдения МП, решающую роль играют не нравственное и эгоистическое чувства, а именно правовое.

Так, по поводу влияния нравственного чувства Шульговский пишет следующее: «Что касается первой причины мирных отношений – нравственного чувства, то в этой области мы замечаем следующее. Великие нравственные заповеди – буддийская, христианская, исполняются лишь редко; в большинстве случаев они до сих пор остаются невыполненными, и многие общественные отношения даже противоречат им. Точно также не замечаются у людей особой симпатии друг к другу. Между тем, более или менее удовлетворительный мирный *modus vivendi* установился в культурных странах. Значит, причиной его развития нельзя считать распространение нравственных (основанных на любви) убеждений. Последние до сих пор имели лишь косвенную роль, и только в отдаленном будущем можно предвидеть жизнь, построенную на непосредственной симпатии» [5, с. 10 – 11].

Здесь можно добавить, что средневековый международный правопорядок христианских государств Европы был как раз попыткой построения мирных отношений на основе христианской этики, однако, как показала история, на практике этот порядок отнюдь не являлся мирным.

Относительно эгоистического чувства Шульговский пишет так: «Точно также и эгоистические стремления не играют главной роли в установлении мирного порядка. Правда, мотивы собственного интереса, страха, порицания и наказания имеют значение в общественной жизни, но лишь как вспомогательный фактор. Порядок, уставляемый на почве грубого индивидуализма в чистом виде, например, как это было в средние века, отличается крайней непрочностью и грозит

постоянно кровавыми раздорами. В общественной психике культурных стран за последнее время замечается все большее и большее отвращение к узко-эгоистическим стремлениям» [5, с. 11].

Аналогичным образом международный правопорядок, базирующийся главным образом на эгоистических мотивах поведения, слишком быстро погрузился бы в хаос войны всех со всеми.

На самом же деле, как вполне убедительно показывает Шульговский, основой мирного социального порядка является правовое чувство. Иначе говоря, достаточно высокий уровень правосознания и правовой культуры, в том числе в области международных отношений.

«Изучая общественные отношения, – пишет Шульговский, – мы убеждаемся, что причиной улучшения их является развитие чисто правового чувства – как сознания своего права, так и признания прав за другими» [5, с. 11].

Таким образом, суммируя сказанное, мы можем сделать вывод, что главным фактором, способствующим соблюдению МП, является достаточно высокий уровень правового, точнее даже международно-правового, сознания, прежде всего, у тех лиц, которые выступают на международной арене от имени своих государств и облечены полномочиями принимать важные решения в области внешней политики.

В связи с проблематикой соблюдения МП обращает на себя внимание тот факт, что в общественном сознании бытуют некоторые ложные представления, своего рода мифы относительно МП и его места в мировой политике. Так, например, юридический советник Государственного Департамента США Гарольд Хонгью Кох (Harold Hongju Koh) пишет о нескольких мифах относительно МП, которые распространены в сознании многих американцев. Один из этих мифов, по мнению Коха, гласит, что, дескать, «международное право не является настоящим правом», и, следовательно, американцы не должны его соблюдать [6]. Опровергая этот миф, Кох подчеркивает, что уважение к МП являлось одним из элементов кредо «отцов-основателей» США, которые в Декларации независимости 1776 г. выразили «уважение мнениям человечества». Кох замечает некий парадокс в том, что американцы, которые не помышляют у себя в стране о нарушении своего права, тем не менее, говорят о том, что можно нарушать МП, когда это удобно и является в интересах Америки [6].

По его мнению, соблюдение МП как раз является в интересах США. «Подобно индивидам, следующим национальному праву, – пишет Кох, – нации, соблюдающие международное право, приходят к выводу, что это и правильно и умно делать. Никакое право не является сми-

рительной рубашкой, однако, как узнали американцы после событий 11 сентября, если мы не подчиняемся международному праву, то мы будем расточать наш моральный авторитет и подрывать нашу способность к лидерству. Когда мы нарушаем международное право, мы ослабляем его способность защищать наших граждан – как могут Женевские конвенции защищать наших солдат за границей, если мы нарушаем их у себя в стране? И как мы можем протестовать против попыток по отношению к нашим гражданам, совершаемым другими странами, если наши собственные официальные лица – в прошлом и настоящем – допускают или публично оправдывают использование попыток?» [6].

Из этого высказывания хорошо видно, что моральный авторитет любой страны, тем более государства, претендующего на лидерство в мире, в значительной степени зависит от того, насколько эта страна является образцом соблюдения норм МП. В силу принципа взаимности государство может с полным основанием и моральным правом требовать соблюдения норм МП по отношению к себе лишь тогда, когда и оно скрупулезно соблюдает нормы этого права.

По-видимому, упомянутые Кохом мифы относительно МП, бытующие в массовом сознании американцев, связаны с особенностями американского менталитета, в котором США на международной арене представлены в образе шерифа из голливудского вестерна, наводящего с помощью вооруженной силы порядок в условиях хаоса и безвластия. Небезынтересно отметить, что президент Франклин Рузвельт, размышляя о роли постоянных членов СБ ООН в международных отношениях, также сравнивал их с пятью шерифами, которые должны восстановить и поддерживать порядок в мире.

Вполне понятно, что мотивы к соблюдению МП в сознании человека могут быть различны. Это могут быть как низкие мотивы, типа страха, испытываемого человеком перед наказанием, либо мотив возможной выгоды, так и высокие мотивы нравственного свойства. С психологической точки зрения степень соблюдения права в значительной мере зависит от его престижа и авторитета в сознании большинства населения. В отношении МП степень его соблюдения зависит от того, насколько высок его авторитет и насколько оно в сознании людей выражает интересы человечества в целом, общечеловеческие ценности. Еще А. С. Яценко удачно заметил, что «источник международного права и основание его обязательности лежит в авторитете человечества, как союза цивилизованных народов, и в признании этого авторитета со стороны государств» [7]. В этом смысле МП – это не межгосударственное право, а право всего человечества.

Литература:

1. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. – Том 1. – М. : Зерцало, 2008. – С. 25.
2. Яценко А. С. Международный федерализм. – СПб., 1908. – С. 254.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник. – М., 1996. – С. 148.
4. Guzman A. How International Law Works. A Rational Choice Theory. – Oxford University Press, 2007.
5. Шульговский Н. Н. Право на жизнь. – СПб, 1917. – С. 10.
6. Scharf M., Williams P. Shaping Foreign Policy in Times of Crises. The Role of International Law and the State Department Legal Adviser. – Cambridge University Press, 2010. – P. XV.
7. Яценко А. С. Международный федерализм. – СПб., 1908. – С. 230.

УДК 341.225.5.001.8:347.79(477)

Короткий Т. Р., НУ «ОЮА»

ІМПЛЕМЕНТАЦІЯ НОРМ РЕКОМЕНДАЦІЙ МІЖНАРОДНОЇ МОРСЬКОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ З ОХОРОНИ МОРСЬКОГО СЕРЕДОВИЩА У ЗАКОНОДАВСТВО УКРАЇНИ

Розглянуто особливості імплементації норм рекомендацій Міжнародної морської організації з охорони морського середовища у законодавство України. Досліджені теоретичні аспекти імплементації норм м'якого права в національні правові системи та природа міжнародних зобов'язань щодо внутрішньодержавної імплементації норм рекомендацій ІМО. Надана характеристика нормативного механізму імплементації норм рекомендацій міжнародних міждержавних організацій у законодавстві України.

Рассмотрены особенности имплементации норм рекомендаций Международной морской организации по вопросам охраны морской среды в законодательство Украины. Исследованы теоретические аспекты имплементации норм «мягкого права» в национальные правовые системы и природа международных обязательств по внутригосударственной имплементации норм рекомендаций ИМО. Дана характеристика нормативного механизма имплементации норм рекомендаций международных межгосударственных организаций в законодательство Украины.

The features of implementation of norms of International marine organization recommendations on questions of marine environment guard in the legislation of Ukraine are considered. The theoretical aspects of implementation of "soft right" norms in national legal systems and nature of international obligations under